

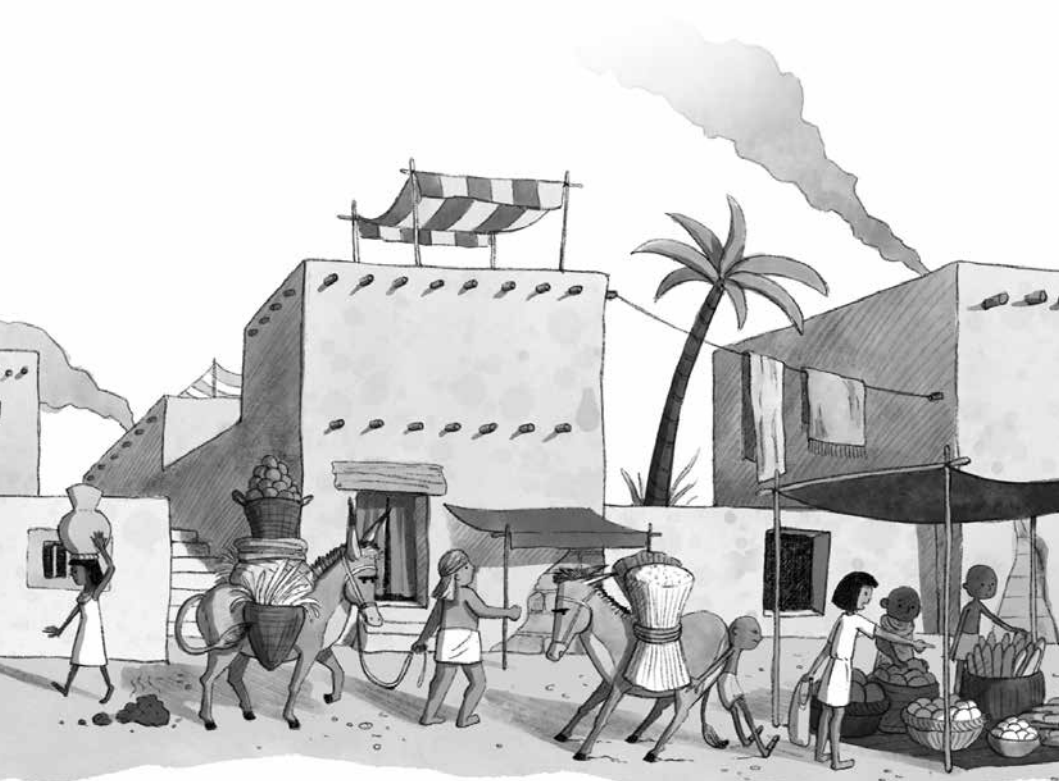
СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1.....	13
1. Гробница генерала	22
2. Скарабей сердца	41
3. Кошмар наяву	49
4. Полчища саранчи	56
5. Опасности реки	64
ЧАСТЬ 2.....	71
6. Принцесса Балаал	74
7. В храме Амона-Ра	87
8. Море змей.....	95
ЧАСТЬ 3.....	107
9. Дворец визиря	110
10. Талгу	118
11. Прекрасный праздник Долины.....	124
12. Солнечная барка	131
Эпилог	138
Древнеегипетские боги.....	141
Локации и персонажи	146

Посвящается Сальвино
Савиор Пиротта

Моим племянникам
с благодарностью
Джо Лингли

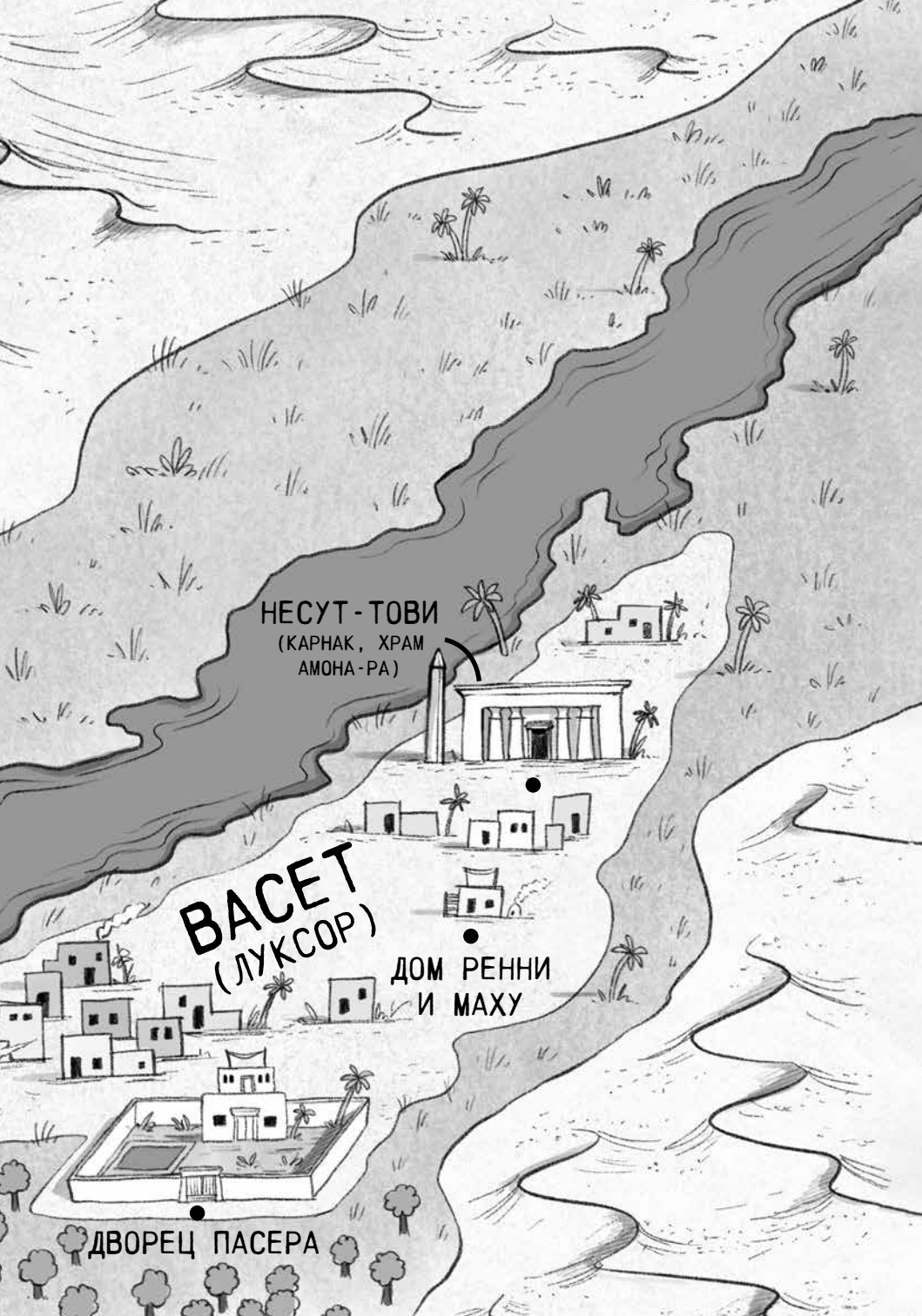
ДОЛИНА ЦАРЕЙ

• ДЕРЕВНЯ
ХУДОЖНИКОВ
(ДЕЙР-ЭЛЬ-МЕДИНА)

• КРОКОДИЛЬИЙ ОСТРОВ

НЕСУТ - ТОВИ
(КАРНАК, ХРАМ
АМОНА - РА)

ВАСЕТ
(ЛУКСОР)

ДОМ РЕННИ
И МАХУ

ДВОРЕЦ ПАСЕРА

Стихотворение, написанное на брюке скарабея сердца

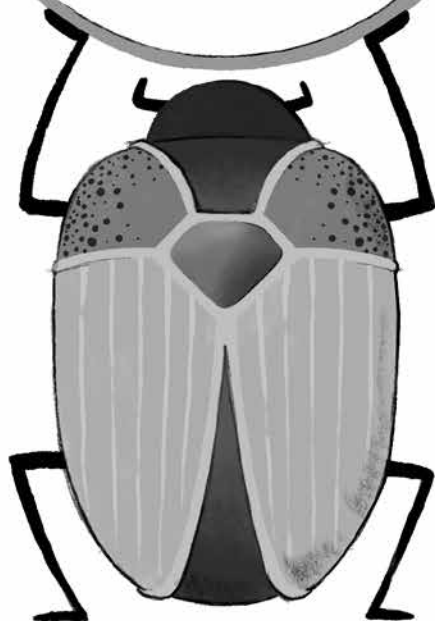
О сердце моё!
О сердце моё, унаследованное от матери моей.
Сердце моё разных лет моих.
Не будь против меня свидетелем.
Не выступай против меня в суде.
Не будь мне врагом пред лицом Хранителя
Равновесия.
Ибо ты мой ка* в теле моём.
Ты — защитник, хранящий здоровье
в конечностях моих.
Лети в хорошее место, к которому все мы
стремимся.
Что хорошо для нас — хорошо для судьбы.
Да возрадуется сердце его вердикту.
Не лги в присутствии богов.
Узри!
О благородное и справедливое.

* Ка — часть души или духа, которая остаётся после смерти человека.

ЧАСТЬ

I

1269 ГОД ДО Н.Э.,
ДЕСЯТЫЙ ГОД
ПРАВЛЕНИЯ
РАМСЕСА II

Старик вышел из-под зонта плетёной колесницы, тяжело опираясь на позолоченную трость. Полуденное солнце пекло беспощадно, и он дождался, потея и хмурясь, пока возница отцепит с колесницы зонт и поднимет над его головой.

Из ворот выбежал второй раб, главный ключник, в белом схенти, расшитом золотой нитью.*

— Добро пожаловать домой, хозяин, — сказал он, беря у старика трость и помогая ему подняться по мраморным ступеням. Он подал знак вознице, и тот вернулся к колеснице с зонтом.

Дом старика представлял собой почти что дворец, один из лучших во всей Чёрной земле. Двухэтажный, он был окружён тенистым садом с пальмовыми деревьями и цветущими кустами. С одной стороны распо-

* Схенти — мужская набедренная повязка.

лагалось большое стойло, полное прекрасных лошадей. Правда, старик никогда не ходил полюбоваться на них. Он считал, что контролировать лошадей невозможно. Однажды, когда он был ещё ребёнком, его лягнула кобыла, и с тех пор он хромал. Семьдесят восемь лет постоянной боли! Нет, у старика имелись рабы, чтобы присматривать за животными, и возница, чтобы доставлять его туда, куда ему вздумается. Лошади были нужны, лишь чтобы впечатлять визитёров, демонстрировать всем его богатство.

На противоположной стороне сада располагался бассейн, блестящий ярко-голубым под полуденным солнцем. Увидев на поверхности воды несколько листьев, старик нахмурился.

— Талгу ещё не почистила бассейн?

— Я велел ей уйти с солнца, хозяин. В её возрасте нехорошо быть на такой жаре, — отозвался ключник. — Она почистит бассейн позже. Хозяин хотел искупаться?

Старик часто пользовался бассейном: тёплая вода успокаивала боль в его покалеченной ноге. Но сейчас было не время нежиться в благоухающей воде. У него имелись неотложные дела.

— Мальчишка здесь? — спросил он ключника, входя в дом.

Ключник кивнул.

— Его привели утром. Я отвёл его в кабинет, как вы и просили, хозяин, — сказал он, снимая со старика вычурный парик и протирая его лысую голову надушенной тряпочкой.

Потом он надел на хозяина свежий парик. Этот парик был домашним, проще, чем уличный, но всё же изготовленным из человеческих волос.

Ключник поднёс старику зеркало, и тот повертел головой так и эдак, удостовераясь, что парик сидит ровно.

— Очень хорошо, Хотен, — сказал он. — Принеси пить. И пусть никто меня не беспокоит.

Старик прохромал мимо рядов ярко украшенных колонн и остановился рядом с пальмовыми деревьями, растущими в больших блестящих горшках. Протиснувшись между ними, он открыл дверь, выкрашенную в цвет стены и оттого незаметную. Дверь вела в тёмный коридор, который кончался ещё одной дверью. Старик открыл вторую дверь деревянным ключом.

— Добрый день.

На отполированном полу сидел мальчик, руки и ноги у него были крепко связаны. Он поднял взгляд и зашипел, словно загнанная в угол змея. Вельможа решил, что пленнику не больше двенадцати или тринадцати, однако он уже начинал сутулиться. Его коричневая кожа во многих местах была испещрена шрамами. Тёмные волосы падали непокорными кудрями ему на плечи.

Мальчик выглядел совершенно неуместно в секретной комнате старика, просторной, с узкими окнами под потолком. У двери стояла статуя Хеки, древнего бога магии, — в одной руке нож, в другой посох, обвитый змеями. Повсюду были низкие столы, большинство завалено свитками папируса или восковыми табличками. Один был заставлен стеклянными бутылочками, полными ярких жидкостей. В воздухе висел тяжёлый запах ладана.

— Кто вы такой? — требовательно спросил мальчик. — Зачем привели меня сюда?

— Я всего лишь скромный служитель Хеки, — ответил старик. — Вошебник! Ты можешь называть меня хекау*.

— Немедленно отпустите меня, — прорычал мальчик, явно не впечатлённый изысканной обстановкой. — Я ничего плохого не сделал. Может, вы и богач, но это не даёт вам права удерживать меня против воли.

— Скоро мой раб развяжет тебе руки и ноги, — усмехнулся вельможа. — Тебя зовут Абануб, не так ли?

— Откуда вы знаете моё имя? — удивился мальчик.

— Абануб означает «царь золота», — продолжил старик, не отвечая на вопрос. — И всё же ты не можешь позволить себе расшить золотой нитью набе-

* Хекау — древняя магия, получившая своё название в честь Хеки, бога магии. Это слово использовалось также для описания тех, кто практиковал магию, или колдунов.

ренную повязку — сетхи. Ты нищ. Неудачливый отпрыск бедняков.

— Мои родители вкушают радости загробной жизни, господин, — с вызовом ответил Абануб. — Они были добрыми людьми, прожившими свои жизни, как того желали боги.

— Несомненно, — сказал старик. — И всё же Ану-бис отплатил им тем, что забрал их слишком рано, оставив тебя заботиться о братьях и сёстрах. Разве это не злит тебя?

— Вы ошибаетесь, — отозвался Абануб. — У меня не осталось родни.

— Бедное дитя, — цокнул языком старик. — Брошенный и богами, и людьми. Уверен, это приводит тебя в абсолютную ярость.

Абануб пожал плечами.

— Такова жизнь. Я везучее многих. У меня хорошая работа — я таскаю кирпичи строителям. Так я зарабатываю достаточно зерна — и чтобы поесть, и чтобы обменять на что-то нужное.

Старику всё это было уже известно. Его доверенные рабы некоторое время следили за Абанубом. Они сообщали хозяину всё о жизни мальчика, включая отсутствие у него семьи. Именно эта последняя маленькая деталь заставила старика выбрать Абануба для своего дерзкого плана.

— Ваш раб подошёл ко мне, когда я купался в реке, как делаю каждый день, — продолжил Абануб. — Он сказал, что у него есть для меня работа, плата — один гусёнок. Но когда мы оказались вдвоём в полях, ваши люди напали на меня, завязали глаза, связали и притащили сюда против моей воли. Хорошенький способ обращаться с честным каменищиком.

— От лица моих рабов приношу извинения, — сказал старик.

В дверь вежливо постучали, и в комнату вошёл Хотеп, неся на подносе кувшин и золотую чашу. Он поставил поднос на стол.

— Развяжи мальчика, — приказал старик. — И принеси вторую чашу. Наш гость, должно быть, хочет пить.

— Хозяин. — Хотеп принялся исполнять приказ, ни разу не взглянув на Абануба.

— Мой раб не солгал, сказав, что для тебя есть работа, — продолжал старик, — но это не какое-то обычное задание, которое ты мог вообразить.

Его прервал новый стук в дверь: Хотеп вернулся со второй чашей — из простой глины. Старик сам наполнил её, но дождался, пока слуга закроет дверь, прежде чем заговорить снова.

— Ну же, ты вот-вот можешь стать кем-то могущественным, кем-то вселяющим страх. Выпьем за богов.

Он поднёс к статуе Хеки лампу и зажгёт в чаше огонь. Склонив голову и бормоча заклинание, он сделал то же перед статуей Тота. Из обеих чаш быстро поднялся дым, заполняя комнату и заставляя глаза Абануба слезиться.

— Пей! — приказал старик Абанубу. Он наблюдал, как мальчик нехотя пьёт, но свою чашу поставил на стол, так и не поднеся к губам. Глаза Абануба почти немедленно остекленели, и он начал покачиваться.

— Господин... — произнёс он.

Старик открыл деревянную шкатулку и вынул из неё золотой амулет в форме двух змей с переплетёнными хвостами. Он поднял амулет, и драгоценные камни на месте змеиных глаз сверкнули чёрным и зелёным, цветами смерти и разрушения. Когда он повесил амулет на шею Абануба, слегка запахло обожжённой кожей, и мальчик содрогнулся, но не сделал попыток снять змей. Он просто глядел перед собой.

Змеи вокруг его шеи выглядели так, словно пожирали друг друга.

— Выпей ещё и повторяй за мной, — велел старик. — За Хеку. Да наполнит его древняя магия нашу жизнь в Чёрной земле, и да поможет она нам в последний час.

— За Хеку, да наполнит он... — попытался повторить Абануб, но язык у него заплетался.

— Посмотри мне в глаза, — приказал старик, наклонившись к Абанубу так близко, что смог видеть своё отражение в тёмных зрачках мальчика. — Слушай меня и повинуйся...

Губы Абануба зашевелились, но он не издал ни звука.

— Идеально, — со смешком сказал старик, его голос напоминал мурлыканье опасного тигра. — А теперь слушай своего хозяина. У меня для тебя важное задание...

Гробница генерала

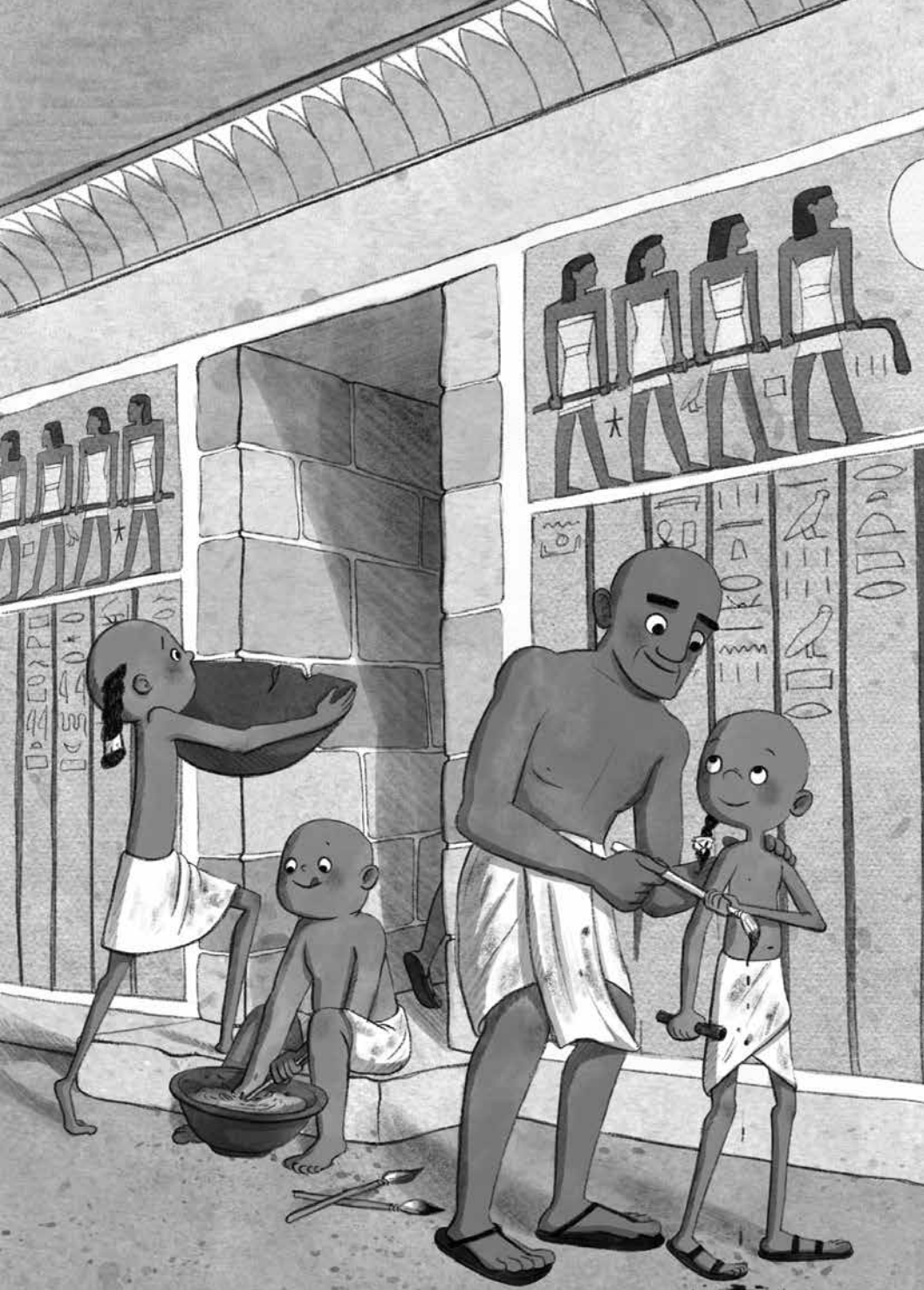
— Ренни —

— Пора по домам, народ, — распорядитель сунул голову в дверной проём новой гробницы фараона. — Увидимся завтра на рассвете.

Ренни отложил кисть. Он рисовал иероглифы с самого восхода солнца, и его правая рука ныла от усталости.

— Твои иероглифы с каждым днём становятся всё лучше, — похвалил Ренни его дядя Пепи, передавая кисть, чтобы тот её почистил. — Молодец. Не забудь как следует закрыть краски и не ложись слишком поздно. Ты нужен мне завтра со свежей головой. Начнём рисовать Книгу врат.

Ренни был *сеш кедут* — так называли учеников художника. Его отец работал позолотчиком —

тем, кто покрывает статуи и саркофаги сусальным золотом. Ренни надеялся пойти по его стопам, но отец умер, оставив его без наставника. К счастью, под крыло мальчика взял дядя Пепи. Он происходил из династии художников, занимавшихся украшением гробниц и храмов. Он учил Ренни рисовать, требуя, чтобы тот использовал красный мел, который он потом исправлял чёрным.

— Да, дядя, — послушно ответил Ренни. — Благодарю за возможность показать, на что я способен. Я быстро учусь под твоим руководством, дядя.

Дядя Пепи зашагал прочь по коридору, а Ренни стал мыть и сушить кисти, следя, чтобы каждая ворсинка была идеально чистой, а потом заворачивать их в ткань. Он привязал крышки к горшкам с краской и спрятал их в большую плетёную корзину. К тому времени, как мальчик закончил, коридор почти опустел.

— Мы идём на ужин к Ипи, — сообщил один из других учеников, всё ещё собирающий хозяйские принадлежности. — Не хочешь с нами?

Ренни помотал головой.

— Благодарю, но мне нужно прийти домой пораньше и потренироваться рисовать уток. На-

деюсь, завтра дядя Пепи позволит мне порисовать их.

Другой ученик пожал плечами.

— Тогда увидимся утром.

Оставшись в одиночестве, Ренни поднял взгляд на большую картину, которую рисовал дядя. Она изображала фараона Рамсеса Великого с двойной короной Кемета, Чёрной земли*, на голове, несущегося через пустыню на боевой колеснице. Вокруг него царил хаос битвы, той, в которой египетская армия одержала победу. Землю усеивали тела поверженных вражеских солдат. В воздухе кружили голодные стервятники с жадными глазами.

Даже в закатном свете цвета картины сияли, словно отполированные драгоценности. Угольно-чёрные глаза фараона. Царственные синева и золото его короны, символизирующие силу и власть правителя. Красная кровь, капающая с клювов голодных стервятников, символизировала злость и победу. И яркая зелень пальм, нарисованных так умело, что казалось, будто ве-

* Древние египтяне называли свою страну Кемет, что означает «Чёрная земля». Это название происходит от чёрного ила, который покрывал поля после наводнений. Пустыни по обе стороны Египта называли Красной землёй.

тер действительно треплет их остроконечные листья.

Ренни дотронулся до амулета в форме глаза Гора*, свисавшего с заплетённого в косичку локона юности** у его виска. Это было самое ценное его имущество, передававшееся от отца к сыну сквозь поколения. Мать Ренни дала ему этот амулет в день, когда он покинул дом и отправился жить в деревню художников рядом с Долиной царей. «Он защитит тебя и принесёт удачу», — сказала она.

Ренни надеялся, что амулет защитит его сегодня, потому что другу он соврал. Он не мог пойти ужинать к Ипи вовсе не потому, что хотел порисовать уток. На самом деле его старший брат Маху велел ему ждать в гробнице, не попавшись никому на глаза.

У Маху был план, а его планы обычно сулили неприятности. Ренни надеялся, что волнуется зря. Может, Маху просто хотел осмотреть Долину царей, посещать которую было запрещено всем, кроме жрецов и художников, расписывающих гробницы.

* Гор — бог неба и солнца.

** Локон юности — прядь волос, растущая сбоку головы у мальчиков в Древнем Египте.

Ища, где спрятаться, Ренни перетащил свою плетёную корзину за огромный глиняный кувшин. Кувшин был полон маслянистой воды и вонял мёртвой рыбой, но это было единственное укромное место в высеченном в скале коридоре.

Ренни ждал. Стемнело, и по гробнице разлился холодок. Ренни слышал самые разные жуткие звуки, о которых и не подозревал, когда было светло. Казалось, что по каменному полу что-то ползает. Ещё что-то, снаружи гробницы, попискивало и шипело.

По коже Ренни побежали мурашки. Неужели его обнаружила Меритсегер, богиня-змея? Неужели отправила своих змей наказать его за то, что он остался в долине ночью? Мальчик хотел уже набраться храбрости, вылезти из укрытия и убежать прочь, как вдруг услышал приближающиеся к гробнице шаги. Шаги двух пар ног, топающих в такт. Сердце Ренни колотилось так громко, что он был уверен: кто бы ни приближался, они его услышат.

Шаги стихли у порога.

— Здесь всё чисто, — произнёс грубый мужской голос. Он явно принадлежал меджаю, полицейскому, проверявшему, все ли работники покинули Долину царей.

— От этих открытых гробниц меня жуть берёт, — сказал второй голос. — Даже за тройное жалование не зашёл бы в такую ночью.

— Мне от всей этой долины не по себе, — согласился первый. — Не могу дожидаться, когда меня переведут в Куш*.

Ренни облегчённо выдохнул, когда меджаи отправились дальше. Взошла луна, и её серебристый свет озарил гробницу.

Внезапно у порога раздался тихий кашель, заставивший мальчика подпрыгнуть.

— Ренни, ты тут?

Ренни выглянул из-за глиняного кувшина. В дверном проёме стоял мальчик, лунный свет падал на его широкие плечи. С правого плеча у него свисал хлопковый мешок.

— Это ты, Маху? — спросил Ренни.

— Да. Выходи. Берег чист.

* Царство Куш лежало к югу от Древнего Египта. Его жителей называли кушцами. Сегодня это часть современных Египта и Судана.

— Я уж думал, что ты не придёшь. — Ренни поднялся на ноги, стряхивая с набедренной повязки пыль. Маху — его старший брат, однако они двое совсем не походили друг на друга. Ренни был низким, с детским лицом и всё ещё носил локон юности у виска, а Маху — высокий, с выпирающим вперёд подбородком и мощными руками.

— Давай быстрее, — велел Маху, поворачиваясь и шагая прочь из гробницы, — у нас не вся ночь впереди.

— Куда мы идём? — спросил Ренни, следуя за братом по пыльной дорожке мимо древней гробницы, которую переделывали для детей Рамсеса. Поговаривали, что боги даровали ему огромное потомство.

— Перестань задавать вопросы, — ответил Маху. — Скоро узнаешь.

— Я надеялся, что ты просто хочешь немножко осмотреться, — сказал Ренни.

— У меня есть дела поважнее, чем играть в исследователей, — фыркнул Маху. — А теперь шевелись.

— Надеюсь, мы не нарушаем закон, — продолжил Ренни. — Вообще-то мы уже его нарушили, просто находясь здесь.

— Закон существует только для власть имущих и безмозглых, — рывкнул брат. — Я ни тот ни другой. А теперь перестань ныть, как младенец.

Он обогнул холм — за ним долина делалась шире, и по обеим её сторонам стояли гробницы. Царила тишина, если не считать воплей летучих мышей где-то сверху. От них по коже Ренни поползли мурашки.

— Эй, — вдруг сказал он. — Я только что видел, как что-то движется.

Брат обернулся.

— Где?

Ренни указал на статую богини с головой кошки возле гробницы.

— Вон там.

Маху огляделся.

— Я ничего не вижу.

— Я точно видел, как там что-то двигалось, — не сдавался Ренни. — Пойдём домой.

— Не глупи, братишка, — сказал Маху. — Это наверняка кошка или пустынная лисица. Нечего бояться.

— А может, кто-то за нами следит, — возразил Ренни. — Вдруг это меджай?

Маху огляделся ещё раз, а потом пожал плечами и пошёл дальше.

— Тебе мерещится. Идём.

Ренни заторопился за ним следом, дотрагиваясь до своего амулета, чтобы успокоиться. Они миновали большую гробницу со статуями бога жизни Амона-Ра по обе стороны двери и проскользнули в тесный проход позади неё. Он вёл к гробнице поменьше, с узким дверным проёмом, рядом с которым Маху и остановился.

— Это гробница одного генерала из армии фараона, — сказал он. — Он был богат до неприличия, так что внутри наверняка полно вещей. Мне удалось узнать, где проходит секретный туннель, который ведёт напрямик в погребальную камеру.

Глаза Ренни округлились от ужаса.

— Мы вломимся в гробницу?!

— Я — нет, — хмыкнул Маху. — Я буду просто стоять снаружи, следя, чтобы моего братишку не поймали.

Ренни отшатнулся от него.

— Я не буду этого делать!

— Но ты уже это делаешь, — сказал Маху.

— Мы разгневаем богов, — заспорил Ренни. — Они накажут нас, и, когда мы умрём, наши сердца сожрёт богиня Ама́т.

— Ты правда думаешь, что боги станут тратить время на таких ничтожных мальчишек,

как ты? — усмехнулся Маху. — А теперь умолкни и делай, как я велю. — Он раздвинул заросли жгучей крапивы, за которыми оказалась маленькая квадратная дыра.

— Это и есть вход в секретный туннель? — спросил Ренни.

— Да. Ну разве я не молодец, что нашёл его? Попрошу заметить, на то, чтобы сдвинуть камень, у меня ушла целая вечность.

— Зачем в гробнице секретный туннель? — заинтересовался Ренни.

— Нечестные строители иногда работают с расхитителями гробниц, — объяснил Маху. — Они оставляют для воров проходы внутрь, а потом делят награбленное. Мир — не такое честное место, как ты думаешь, братишка. А теперь полезай внутрь и принеси что-нибудь ценное. Что-нибудь, что мы сможем обменять.

Ренни скрестил руки на груди.

— Я отказываюсь.

— С тех пор как отец умер, твой законный опекун — я, — заявил Маху. — Я могу приказывать тебе сделать что угодно, и я приказываю тебе залезть в эту гробницу.

Ренни стоял на своём.

— Сам иди, если тебе так хочется сокровищ.

— Я... не могу, — ответил Маху.

Ренни ухмыльнулся.

— Почему это?

— Потому что не могу.

— Ты боишься, правда? — сказал Ренни. — Признайся. Ты боишься, что боги могут наказать тебя, поэтому хочешь, чтобы воровал я. Ты трус.

Маху схватил брата за локон у виска.

— Прекрати болтать. Лезь внутрь и найди что-нибудь, что я смогу обменять, слышишь меня? У нас дом разваливается. Хозяин хочет нас выселить, потому что мы не чиним дом, как должны. Матери не всегда удаётся поесть. Локти у неё стали совсем костлявые. А ты стоишь тут и заявляешь, что твоя собственная мать недостойна того, чтобы украсть ради неё одно украшение у богача, который умер.

— Всё равно я отказываюсь, — сказал Ренни, хоть и не так уверенно, как прежде. Маху умел убеждать людей. — Пожалуйста, отпусти волосы.

— Я бы пошёл сам, — прошипел Маху, не выпуская локон Ренни, — но если там со мной что-то случится, то не останется никого, кто присматривал бы за матерью.

— Я останусь, — возразил Ренни.

— Много от тебя толка с твоими дурацкими кисточками, — выплюнул Маху.

— По крайней мере, я прилично зарабатываю, — заметил Ренни.

— Если не пойдёшь, — рывкнул Маху, — я продам тебя в рабство. У меня есть такое право. Обменяю тебя на жирного барана. Это решит все проблемы нашей семьи. Будешь работать в какой-нибудь шахте в Куше. А теперь полезай внутрь и смотри не угоди в ловушку. В этих туннелях их обычно полным-полно.

Он поднял Ренни и запихнул его в туннель головой вперёд.

— Я серьёзно, братишка. Возвращайся по крайней мере с одним сокровищем, иначе, клянусь, я поставлю камень на место и оставлю тебя умирать.

Перепуганный, что брат может исполнить угрозу, Ренни пополз на локтях вперёд. Он молился, чтобы боги поняли: он вламывается в гробницу не по своей воле. Его заставляют. И, возможно, Маху самую малость был прав. Мёртвый генерал наверняка обойдётся без одного маленького украшеньица. У него, должно быть, полные сундуки безделушек. А их матери правда нужна помощь. Он делает это ради неё.

Туннель был тесным, но воздух внутри оказался на удивление свежим. Ренни полз вперёд, обдирая колени и локти о грубые камни. Толстая паутина мазнула его по лицу, а по локону у виска что-то проползло. Он понадеялся, что это не скорпион.

— Давай быстрее, — донёсся снаружи голос Маху. — Кажется, я слышу вдали меджаев.

— Как могу, так и ползу, — отозвался Ренни, и его голос отразился от стен.

Неожиданно он стукнулся головой о плоский камень, преградивший путь. Мальчик едва не закричал от боли и шока. Потом он изо всех сил толкнул камень обеими руками, и тот поддался, как откидная дверца, а Ренни полетел головой вперёд на песчаный пол.

Мальчик кое-как встал на ноги, отплёвываясь от песка. В воздухе по-прежнему висел густой запах ладана и дорогих специй, которые использовали в погребальной церемонии генерала. Сквозь щели в потолке лился лунный свет, отражаясь от золотой статуи и освещая великолепную погребальную камеру. Та была битком набита разными блестящими штуками, которые мог позволить себе лишь богатый и влиятельный человек. Сбоку камеры стояла колесница, запряжённая па-

рой деревянных лошадей, покрытых сусальным золотом. Оно напомнило Ренни об отце. Смотрит ли его ка* теперь на сына со звёзд? Если так, Ренни надеялся, что он поймёт: вломиться в гробницу было идеей Маху, а не его.

С колесницы свисал большой зонт с кисточками, словно мёртвый генерал собирался ехать куда-то под палящим солнцем. Рядом стоял шкаф, покрытый драгоценными камнями. Были здесь золотые блюда и умывальные тазы. На стенах висели громадные веера из павлиньих перьев. У одной стены высились ряды сосудов для хранения, несомненно полных зерна и напитков для загробной жизни усопшего. На другом шкафу стояли ровным рядом четыре сосуда поменьше. Их крышки были в форме четырёх детей Гора, и Ренни знал, что внутри — желудок, кишки, лёгкие и печень мёртвого генерала.

Мальчик содрогнулся и перевёл взгляд на золотую лодку, украшенную резными цветками лотоса. На её узкой палубе стояли мумии кошек, собак и гусей. Это были питомцы мёртвого генерала, ожидающие путешествия к звёздам вместе с его ка.

* Ка — часть души или духа, которая остаётся после смерти человека.

Красиво расписанный саркофаг генерала располагался в центре камеры. Он был выполнен в форме человека, лежащего на спине и держащего у позолоченной груди хлыст. В ногах у него стояли две статуи солдат, а над головой высилась статуя Анубиса, бога с головой шакала, покровителя мёртвых.

Ренни задрожал. От такой близости к мертвецу по коже у него побежали мурашки. Он огляделся, ища что-то, что можно украсть, не приближаясь к саркофагу, но все сундуки и шкафы были заперты, а блюда оказались слишком велики, чтобы тащить их по узкому туннелю. У него не оставалось выбора, кроме как заглянуть в сам саркофаг.

Стараясь не обращать внимания на стальной взгляд Анубиса, Ренни сдвинул тяжёлую крышку. Из гроба поднялся тошнотворно-сладкий запах, напоминающий мёд. Ренни разглядел перевязанную голову и раздувшуюся ладонь со сползшими повязками. Он медленно сунул руку внутрь саркофага и начал шарить по нему, пока наконец его пальцы не наткнулись на что-то под повязками. Мальчик схватил это и потянул, и тут голова мумии повернулась вбок. Повязки соскользнули, обнажая верхнюю часть